

УДК 811.161.1'37
DOI 10.52452/19931778_2021_4_210

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

© 2021 г.

Т.А. Дьякова

Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского, Луганск

diako122@rambler.ru

Поступила в редакцию 08.10.2020

Анализируются семантические и стилистические особенности использования сниженной лексики в творчестве Михаила Матусовского. Материалом исследования послужили поэтические и прозаические произведения писателя, созданные в разное время. Использовались методы анализа, сравнения, обобщения. Лексикографической базой работы послужили толковые словари русского литературного языка, жаргонной лексики, этимологические словари. Установлена стилистическая маркированность сниженных лексических единиц, использованных в художественных текстах. Сделаны выводы о функциях сниженной лексики в произведениях Михаила Матусовского, основными из которых являются придание экспрессивности высказыванию/повествованию, реалистическое отражение событий, речевая характеристика персонажа, экспликация негативного отношения к описываемым событиям или объектам, создание культурно-общественной картины эпохи.

Ключевые слова: сниженная лексика, лексема, просторечие, жаргон, семантические особенности, стилистическая принадлежность, речевая характеристика, экспрессивность высказывания.

Лексический фонд литературных произведений составляют единицы различной стилистической маркированности и экспрессивно-стилистических признаков. При этом использование в художественных произведениях внелитературных элементов (просторечие, диалектизмы, жаргонизмы, вульгаризмы, варваризмы и др.) должно быть оправданным как с коммуникативной, так и с эстетической точки зрения. Полноценному воплощению замысла автора должно способствовать «оптимальное сочетание коммуникативной и эстетической мотивированности языковых средств, их функционирования в художественном произведении» [1, с. 129].

Отличие лексики, которая противопоставлена нейтральному фонду, определяется сочетанием собственно понятийной семантики слова и коннотативных компонентов. В них отражается эмоциональное, оценочное отношение людей к тем явлениям, которые обозначены словом; «такие слова выполняют в языке и речи особую экспрессивную функцию» [2, с. 182]. По мнению В.Г. Костомарова, «стилистические ресурсы» придают тексту оценочную, экспрессивную, эмоциональную неповторимость, разнообразят его [3, с. 223].

Рассмотрению различных аспектов использования сниженной лексики посвящены исследования Г.В. Галайнт, Г.Ю. Богданович, Е.В. Ерофеевой, В.И. Карасика, В.Г. Костомарова, А.С. Куле-

вой, Л.Г. Самолик, О.Б. Сиротининой, В.В. Химика, Л.Л. Шестаковой, А.Ф. Яковлевой.

Цель работы – проанализировать семантические и стилистические особенности использования сниженной лексики в творчестве Михаила Матусовского. Объектом исследования стала сниженная лексика из поэтических и прозаических произведений писателя, предметом – семантические и стилистические особенности ее использования. Материалом изучения послужили произведения из сборников Михаила Матусовского «Горечь» (далее сокращенно – ММ Г), «Земля моих отцов – Донбасс» (далее сокращенно – ММ ЗМО), «Семейный альбом» (далее сокращенно – ММ СА), «Избранные произведения в двух томах» (далее сокращенно – ММ Т. 1)¹, извлеченные методом сплошной выборки. Для паспортизации лексических единиц и выяснения их стилистической маркированности использованы толковые словари русского языка, время создания которых от 30–40 гг. XX в. [4] до нач. XXI в. [5], что позволило проследить динамику стилистических изменений лексического фонда, привлеченного для анализа.

Учитывая, что под стилистически маркированной лексикой принято понимать «слова, не входящие в состав современного литературного языка (просторечные, диалектные, жаргонные)» [6, с. 455], заметим, что сниженными в работе будем считать лексические единицы, которые в

словарях сопровождаются стилистическими пометами *просторечное, разговорно-сниженное* и эмоционально-оценочными *бранное, вульгарное, грубое, презрительное, фамильярное*.

Ведьма. Данное слово определяется стилистически от разговорного до просторечного с оценкой бранной: *разг. вульг.* ‘бранное слово – о сварливой, злой, безобразной женщине’ [4]; *в просторечии, бранно* ‘о злой, сварливой или безобразной женщине’ [7, т. 2, стлб. 119]; *прост.* ‘о злой, сварливой или безобразной женщине (обычно бранно)’ [8, т. 2, с. 370]; *бран.* ‘о злой, сварливой женщине’ [9]; *бранно* ‘о безобразной, злой женщине’ [5, с. 115]; *прост.* ‘злая, сварливая женщина’ [10, с. 71]. В приводимом далее контексте слово **ведьма** употреблено в значении ‘сварливая, безобразная женщина’, обладает просторечной стилистической окраской с оттенком бранности/вульгарности, используется для речевой характеристики персонажей, реалистического изображения событий: *А гитлеровцы орали: «Нечего прикидываться! Вставай, старая ведьма!» – и еще больше ожесточались при виде беспомощности своей жертвы, и били ее прикладами по седой, безжизненно поникшей голове* (ММ СА, с. 248).

Гад. Лексическая единица отражена в источниках как просторечная с оттенком бранности, презрительности: *перен. разг. фам. бран.* ‘отвратительный, дурной человек’ [4]; *в просторечии* ‘бранно (обычно о человеке, вызывающем отвращение, гадливость)’ [7, т. 3., стлб. 9]; *перен. прост. бранно* ‘об отвратительном мерзком человеке (обычно в функц. сказ.)’ [8, т. 4, с. 4]; *прост. бран.* ‘об отвратительном, мерзком человеке’ [9]; *бранно* ‘отвратительный, мерзкий человек’ [5, с. 190]; *перен. прост., презр.* ‘мерзкий, отвратительный человек, гадина’ [10, с. 124]. В приводимом далее контексте слово **гад** использовано в переносном значении ‘отвратительный, мерзкий человек’, обладает просторечной стилистической окраской с оттенком бранности и/или презрения, использовано для подчеркивания негативного отношения к описываемым объектам: *И вылезли гады, и в щели на площадь глядели. / Кондитер Козлов проверял в магазине запоры, / И старый лабазник выглядывал часто в окошко – / Не немцев, так белых, не белых, так просто бандитов* (ММ ЗМО, с. 72); *Но белые гады и ночью и днем сторожили. / Взлетали мосты и взрывалась земля под ногами, / На целые версты снимались и портились рельсы* (ММ ЗМО, с. 76); *И все ему видно сквозь этот бинокль, как в театре – / И белого гада, и пушки его, и максимы* (ММ ЗМО, с. 85); *И в тот момент, когда эти гады готовы были поднять свои лапы, Юру ра-*

нило (ММ СА, с. 199); *О каком подвиге вы говорите? Если бы я не уничтожил этих гадов, они бы уничтожили меня...* (ММ СА, с. 254); *Мы, конечно, огонь не открывали, так эти гады стали из автоматов в спину им бить* (ММ СА, с. 379).

Дурак. Стилистически данное слово определено преимущественно как разговорное с оттенком бранности: *разг. бранное слово* ‘глупый человек’ [4]; *обычно в просторечии, бранно* ‘глупый, тупой человек’ [7, т. 3, стлб. 1161]; *разг. бранно* ‘глупый, тупой человек’, усилит. **круглый, полный, набитый дурак** [8, т. 5, с. 420]; *разг. бранное слово* ‘глупый, тупой человек’ [9]; *бранно* ‘глупый, тупой человек’ [5, с. 288]; *разг.* ‘глупый человек, глупец’ [10, с. 182]. В приводимом далее контексте слово **дурак** употребляется как просторечное бранное слово: 1) в значении ‘глупый человек’ для речевой характеристики и придания экспрессивности высказыванию: *Только что прошла колонна порожняка. А теперь жди-дожидайся. В такую погоду какой дурак поедет?* (ММ СА, с. 212); 2) в значении ‘глупый человек’ с усиленным оттенком для самохарактеристики лирического героя: *Мы не были полными дураками и догадывались, что вряд ли можно даже при сильном насморке запросто вычихивать конфеты, и все-таки каждый раз взвизгивали от неожиданности* (ММ СА, с. 63).

Жратва. Данная единица в лексикографических источниках определена как грубо-просторечная или просторечная: *простореч., вульг.* ‘пища, еда’ [4]; *грубо-простореч.* ‘еда, пища’ [7, т. 4., стлб. 183]; *грубо-прост.* ‘еда, пища’ [8, т. 5., с. 681]; *прост.* ‘пища, еда’ [9]; *разг.-сниж.* ‘пища, еда’ [5, с. 308]; *прост.* ‘пища, еда’ [10, с. 195]. В приводимом далее контексте лексема **жратва** употребляется в значении ‘еда’ как просторечное грубое слово для создания приземленно-бытового звучания, описания реалий и жизненного опыта лирического героя: *Что – стихи и баллады / После этой жратвы, / После миски баланды / Из промерзшей ботвы?* (ММ Г, с. 23).

Кошкодав. В лексикографическом отражении лексемы **кошкодав** очевидно прослеживается динамика стилистических изменений словоупотребления: от специального использования к просторечному: *спец.* ‘скупщик кошек на мех’ [4]; ‘скупщик кошек на мех’ [7, т. 5, стлб. 1561]; *прост.* ‘тот, кто занимался ловлей кошек для выделки меха, шкурок’ [8, т. 8, с. 555]. В приводимом далее контексте рассматриваемое слово **кошкодав** употреблено в значении ‘тот, кто занимался ловлей кошек для выделки меха, шкурок’, на наш взгляд, как про-

сторечное бранное и/или презрительное для придания экспрессивности высказыванию, подчеркивания отрицательного отношения к описываемому: *Если бы это было так, откуда тогда появляются на свете изуверы, вешатели, кошкодавы, хладнокровные убийцы?* (ММ СА, с. 46).

Краснорожий. Сложное прилагательное краснорожий образовано от словосочетания стилистически нейтрального прилагательного **красный** и стилистически маркированного существительного **рожа**, лексикографическое описание которого мы привлекаем: **рожа**, простореч. 'лицо' [4]; простореч. 'имеющий красную рожу' [7, т. 5, стлб. 1594]; прост. 'то же, что краснолицый' [8, т. 8, с. 581]; прост. 'с красной рожей; краснолицый' [9]; **рожа**, грубо 'то же, что лицо' [5, с. 1126]. В приводимом далее контексте лексема **краснорожий**, на наш взгляд, употребляется в значении 'человек с лицом красного цвета' как просторечное грубое слово для придания экспрессивности описанию, подчеркивания отрицательного отношения к объекту: *Еще я помню <...> краснорожих подпущих могильщиков, нетерпеливо приплясывающих на морозе и ожидающих, когда можно будет начать работать лопатами и потом согреться в сторожке заранее приготовленной четвертинкой* (ММ СА, с. 440).

Кретин. Разговорная стилистическая окраска сочетается в данном слове с оттенком бранности: бран. 'тупоумный человек, идиот' [4]; бранно 'дурак, тупица' [7, т. 5, стлб. 1643]; разг. 'глупый, тупой человек' [8, т. 8, с. 620]; бранно 'дурак, тупица' [5, с. 470]; разг. бран 'то же, что идиот': 'глупый человек, тупица, дурак' [10, с. 306, 236]. В приводимом далее контексте лексема **кретин**, на наш взгляд, употребляется в значении 'глупый человек' как просторечное грубое слово, используется для речевой характеристики персонажа, экспликации негативного отношения: *Второй кретин на мою голову свалился, будто своего мало* (ММ СА, с. 165).

Крыша. Данное слово в значении, использованном автором, лексикографические источники не фиксируют. Исходя из контекста, считаем, что слово **крыша** является лексической единицей жаргона игроков в домино. В тексте употребляется для речевой характеристики персонажей, описания их интересов: *выздоровливающие раненые либо забивают козла, делая это как-то невесело, а скорее даже с ожесточением, вколачивая костяшки в крышку стола и выкрикивая при этом только им, игрокам, известные термины вроде: «крыша» или «нужник»* (ММ СА, с. 195).

Курвин (сын). Лексическая единица фиксируется как бранная: вульг.-прост., бранно 'о

подлом, мерзком человеке, негодяе; о человеке, совершившем подлый, мерзкий поступок' [11, с. 319]; *курва, вульг., бран.* 'проститутка' [4]. В приводимом далее контексте рассматриваемое слово употреблено, на наш взгляд, в значении 'о человеке, совершившем подлый, мерзкий поступок' как просторечное вульгарное, бранное. Использовано автором для речевой характеристики персонажа, создания культурно-общественной картины эпохи: *Не отрывая глаз от полевого бинокля, он кричал не своим голосом: «Киященко, ты куда стреляешь, курвин сын?»* (ММ СА, с. 33).

Лярва. Слово зафиксировано лишь в словаре бранной лексики: презр. или бранно, жарг. 'ненадежный, подлый, дрянной человек; доносчик, предатель'. Первонач. – из лат. *larva* 'дух, страшный призрак умершего' [11, с. 192]. В приводимом далее контексте рассматриваемое слово употреблено, на наш взгляд, как просторечное вульгарное, бранное. Использовано автором для речевой характеристики персонажа, создания культурно-общественной картины эпохи, экспликации негативного отношения к описываемому объекту: *Тут у нас одну лярву перехватили. Давно такой сволочи не видал. Тожэ поэтом себя называет... У него даже удостоверение имеется, немецким комендантом выданное* (ММ СА, с. 162).

Морда. Грубо-просторечная маркировка слова отражена всеми привлеченными источниками: вульг. 'лицо' [4]; грубо простореч. 'лицо человека' [7, т. 6, стлб. 1255]; грубо-прост. 'о лице человека' [8, т. 10, с. 392]; грубо. 'то же, что лицо' [5, с. 780]; прост. 'то же, что лицо' [10, с. 492]. В приводимом далее контексте лексема **морда**, на наш взгляд, употребляется в значении 'лицо человека' как просторечное грубое слово, используется для: 1) речевой характеристики персонажа и экспликации его негативного отношения к названному объекту: *Отвечает им фотограф: «Извините... Не могу... / Снять такого господина – это ж непосильный труд. / У меня такую морду объективы не берут»* (ММ Т. 1, с. 32); 2) придания экспрессивности повествованию: *или же нерасторопному чудаку в потасовке залепляли морду сырым тестом, – я исполнял все ту же полечку с вариациями* (ММ СА, с. 109).

Нажраться. Пометы к рассматриваемому слову аналогичны в разных лексикографических источниках: простореч. вульг. 'наестся' [4]; грубо простореч. 'наестся до пресыщения' [7, т. 7, стлб. 205]; грубо-прост. 'наестся до пресыщения' [8, т. 11, с. 141]; грубо. прост. 'наестся' [9]; разг. грубо 'наестся' [5, с. 581]. В приводимом далее контексте лексема **нажраться**

ся, на наш взгляд, употребляется в значении 'наесться до пресыщения' как просторечное грубое слово, используется не столько для речевой характеристики персонажа, сколько для раскрытия его жизненного опыта (речь идет о бывшем узнике фашистского концентрационного лагеря): *Я хорошо знал, что от этого могу умереть, но остановиться не мог. Черт с ним, думаю, пусть подохну, зато перед смертью нажрუსь досыта* (ММ СА, с. 274).

Нуэжник. Данное слово в значении, использованном автором, лексикографические источники не фиксируют. Исходя из контекста, считаем, что слово **нуэжник** является лексической единицей жаргона игроков в домино. В тексте употребляется для речевой характеристики персонажей, описания их интересов: *выздоровливающие раненые либо забивают козла, делая это как-то невесело, а скорее даже с ожесточением, вколачивая костяшки в крышку стола и выкрикивая при этом только им, игрокам, известные термины вроде: «крыша» или «нуэжник»* (ММ СА, с. 195).

Перышко. Данное слово в значении, использованном автором, лексикографические источники не фиксируют. Упоминание об игре **в перышки** находим в краеведческих исследованиях Л. Колгушкина. В первых классах гимназии все до одного увлекались игрой в пёрышки, в картинки и в фантики. Каждый гимназист имел коллекцию перьев. В зависимости от формы, отделки и величины они имели различную стоимость, независимо от того, сколько за них было уплачено в книжном магазине. Игры в пёрышки были разнообразны. В одном случае они напоминали игру в чижика. На тупую часть пера надавливали другим пером, пытаясь его перевернуть и таким образом выиграть. В другом случае, как и в игре в фанты, перо клали на ладонь и ударяли ей о край парты, стараясь попасть своим пером в перо партнёра, и т.д. [12]. Исходя из контекста, считаем, что лексема является разговорной единицей детского или гимназического жаргона начала XX века: *Кстати, и игра такая была – «в перышки» – за отсутствием перьев мальчишки теперь не играют в нее* (ММ СА, с. 445).

Подохнуть. Просторечная (разговорно-сниженная) маркировка слова отражена всеми привлеченными источниками: *простореч. вульг. 'о людях: умереть'* [4]; *грубо простореч. 'умереть: о людях'* [7, т. 10, стлб. 719]; *грубо-прост. 'умирать (о людях)'* [8, т. 18, с. 260]; *разг.-сниж. 'умереть (о людях)'* [5, с. 875]; *прост, пренебр. 'о человеке: умереть'* [10, с. 178]. В приводимом далее контексте лексема **подохнуть**, на наш взгляд, употребляется в значении

'умереть' как просторечное грубое слово, используется не столько для речевой характеристики персонажа, сколько для раскрытия его жизненного опыта (речь идет о бывшем узнике фашистского концентрационного лагеря): *Я хорошо знал, что от этого могу умереть, но остановиться не мог. Черт с ним, думаю, пусть подохну, зато перед смертью нажрუსь досыта* (ММ СА, с. 274).

Поэжрать. Пометы к рассматриваемому слову аналогичны в разных лексикографических источниках: *грубо простореч. 'съесть, поесть чего-либо. О людях'* [4]; *грубо-прост. 'съесть, поесть чего-л. (о людях)'* [8, т. 10, стлб. 746]; *груб. прост. 'то же, что поесть'* [9]; *грубо 'то же, что поесть'* [5, с. 889]; *прост. 'то же, что поесть'* [10, с. 547]. В приводимом далее контексте лексема **поэжрать**, на наш взгляд, употребляется в значении 'поесть' как просторечное грубое слово, используется для придания повествованию приземлено-бытового звучания: *Им прежде, чем в бой вступать, поэжрать и выспаться надо как следует* (ММ СА, с. 386).

Потаскуха. Лексикографические источники отражают просторечную маркировку данного слова с оттенком грубости или презрительности: *грубо простореч. 'женщина, ведущая безнравственный образ жизни, развратница; потаскунья'* [7, т. 10, стлб. 1589]; *груб. прост. презрит. 'женщина, ведущая безнравственный образ жизни; развратница'* [8, т. 19, с. 202]; *прост. презр. 'женщина, ведущая себя развратно, беспутно; потаскунья'* [9]; *грубо 'развратная, распутная женщина'* [5, с. 940]; *прост., презр. 'женщина лёгкого поведения'* [10, с. 571]. В приводимом далее контексте лексема **потаскуха** употребляется в значении 'развратная, распутная женщина' как просторечное грубое слово, используется для подчеркивания отрицательного отношения автора к описываемым реалиям, придания повествованию экспрессивности: *Пусть пропадет все пропадом – / Сегодня вы не в духе. / Напрасно улыбаются / Ночные потаскухи* (ММ Т. 1, с. 265).

Прохвост. Разговорную стилистическую маркировку дополняют пометы бранное/презрительное: *разг. бран. 'непорядочный человек, подлец, негодяй'*. Переделка старинного слова профос, от нем. *Profoss* – солдат, заведовавший очисткой нечистот, а также смотритель за арестованными солдатами, приводивший в исполнение приговоры о телесном наказании [4]; *разг. бранно. 'негодяй, подлец, мошенник'* [7, т. 11, стлб. 1512]; *разг. бран. 'негодяй, подлец'* [9]; *бранно 'негодяй, подлец'* [5, с. 1036]; *разг. презр. 'подлец, негодяй'* [10, с. 626]. В приводимом далее контексте рассматриваемое слово

употреблено, на наш взгляд, в значении 'негодяй, подлец' как разговорное бранное и/или презрительное, использовано для подчеркивания отрицательного отношения автора к описываемым реалиям, придания повествованию экспрессивности: *Спят гангстеры и маклеры, / Пройдохи и прохвосты. / Под маской косметической / Уснули кинозвезды* (ММ Т. 1, с. 266).

Рояль. Данную единицу в значении, использованном автором, лексикографические источники не фиксируют. Автор приводит самотолкование слова. Исходя из контекста, считаем, что лексема *рояль* в значении 'гать, переправа, сделанная из подручных средств' – единица военного жаргона времен Великой Отечественной войны. В основе жаргонного наименования *рояль* – метафора по сходству: подвижные проваливающиеся части переправы схожи с подвижными, поочередно «утопляемыми» клавишами рояля. Использовано в тексте для точности, конкретности повествования, передачи реалий военных дней: *Прямо поперек колеи гатили в болото сухие ветки, чурки, доски от снарядных ящиков, фашинные связки, елочный лапник, березовый распил, и все это вместе называлось «роялем».* Самые словоохотливые водители, владеющие практически неисчерпаемым запасом матерных выражений, и те умолкали, проваливаясь на клавишах такого «рояля» (ММ СА, с. 184).

Сволочь. Лексикографические источники отражают просторечную маркировку данного слова с оттенком грубости или бранности: *простореч. бран.* 'дрянной, подлый человек, негодяй (употр. также по отношению к животным)' [4]; *грубо простореч. бранно* 'дрянной, подлый человек, негодяй' [7, т. 13, стлб. 446]; *груб. прост.* 'скверный, подлый человек; негодяй' [9]; *грубо* 'скверный, подлый человек; негодяй' [5, с. 1163]; *прост., бран.* 'негодяй, мерзавец' [10, с. 705]. В приводимом далее контексте лексема *сволочь* употребляется в значении 'подлый человек, негодяй' как просторечное грубое и/или бранное слово для экспликации негативного отношения к описываемому объекту со стороны персонажа: *Давно такой сволочи не видал. Тожэ поэтом себя называет... У него даже удостоверение имеется, немецким комендантом выданное* (ММ СА, с. 162); *Сначала все шло хорошо, оба они угробили по несколько сволочей, шестерых фрицев окружили и собирались взять их в плен* (ММ СА, с. 199); *Часовенка словно бы жаловалась, показывая всем свои увечья. «И что она им, сволочам [Гитлеровцам], мешала?» – спросил, не ожидая ответа, комбат Соложенцев* (ММ СА, с. 401).

Сдохнуть. Лексикографические источники отражают преимущественно просторечную маркировку данного слова с оттенком грубости: *простореч. вульг.* 'то же, что издохнуть' [4]; *грубо простореч.* 'умереть: о человеке' [7, т. 13, стлб. 548]; *груб. прост.* 'умереть' [9]; *разг. грубо* 'умереть: о человеке' [5, с. 1168]; *прост., пренебр.* 'умереть: о человеке' [10, с. 707]. В приводимом далее контексте лексема *сдохнуть* употребляется в значении 'умереть' как просторечное грубое слово для точности в передаче событий, реалий, придания экспрессивности высказыванию: *Какие там люди, мы просто кроты, / Мы – узники лагеря «Дора». // Мы сдохнуть хотели б на этом плацу / И рады бы были такому концу. / Живым нам не выйти из ада* (ММ Т. 1, с. 359).

Сучий. Данная адъективная единица фиксируется лишь двумя толковыми словарями русского языка: *грубо простореч.* 'употребляется в составе некоторых бранных выражений' [7, т. 14, стлб. 1243]; *груб. прост.* 'употребляется в составе некоторых бранных выражений' [9]. В приводимом далее контексте лексема *сучий*, на наш взгляд, употребляется как просторечное грубое слово, служит усилением просторечной бранной лексемы *пес* 'человек, вызывающий презрение, негодование своими поступками', использовано для отражения негативного отношения к описываемому объекту, придания экспрессивности высказыванию: *Позументы и медали нацепили сучьи псы. / Писарь, бабник и насильник, крутит синие усы* (ММ Т. 1, с. 32).

Тмутаракань. Данное слово фиксируется лишь в словарях этимологических и жаргонных: 'город и княжество на месте античной Фанагории, совр. Тамань' [13, т. 4, с. 65]; 'отдаленное место' [14, с. 904]; 'иносказательно о глухом, удаленном от культурных центров страны месте' [15, с. 751]. Этимологически лексема *тмутаракань* связана с названием древнерусского города, который в X–XII вв. находился на Таманском полуострове и был столицей древнерусского Тмутараканского княжества. Город возник на месте греческого города Гермонасса (хазарское название города Таматарха). В настоящее время на месте Тмутаракани находится станица Таманская, в которой можно видеть остатки крепостных стен, собора, домов и т.п. [15, с. 751]. В приводимом далее контексте слово употреблено в переносном значении 'глухое, удаленное от культурных центров место' и обладает просторечной стилистической окраской, использовано для создания метафорической образности: *Одеты в легчайшую ткань, / верхней, даже полураздеты, / Они в нашу тмутаракань / С другой залетели планеты* (ММ Г, с. 37).

Ушииться. Данное слово в значении, использованном автором, зафиксировано лишь в одном словаре: *грубо простореч.* 'уйти, убежать откуда-либо, поспешно покинуть что-либо' [7, т. 16, стлб. 1174]. В приводимом далее контексте лексема **ушииться**, на наш взгляд, употребляется как просторечное слово для речевой характеристики персонажа, придания экспрессивности высказыванию: *Меня на хутор Раменский вместе с одним паренком за фуражом, или, проще сказать, за сеном, послали, а мы ушились* (ММ СА, с. 18).

Харя. Лексикографические источники отражают просторечную маркировку данного слова с оттенком грубости или бранности: *простореч. вульг.* 'лицо, физиономия' [4]; *грубо простореч.* 'то же, что лицо' [7, т. 17, стлб. 54]; *груб. прост.* 'лицо, физиономия (обычно некрасивая)' [9]; *грубо* 'лицо (обычно очень полное, заплывшее жиром или отвратительное по своему виду, выражению); рожа' [5, с. 1439–1440]; *прост. бран.* 'то же, что лицо' [10, с. 860]. В приводимом далее контексте лексема **харя** употребляется в значении 'лицо' как просторечное грубое слово для создания экспрессивности повествования и метафорической образности: *Пушкин мчит в санях, а навстречу ему бегут покосившиеся верстовые столбы, и вокруг беснуется метель, в которой мелькают чьи-то рогатые хари и длинные хвосты* (ММ СА, с. 356).

Хреновина. Только два словаря фиксируют рассматриваемое слово: *простореч. вульг.* 'что-н. плохое, скверное' [4]; *грубо* 'нелепость, ерунда' [5, с. 1454]. В приводимом далее контексте лексема **хреновина**, на наш взгляд, употребляется в значении 'что-н. незначительное, неважное, ерунда' и имеет просторечную стилистическую окраску, использовано для речевой характеристики персонажа и придания экспрессивности высказыванию: *согнав с лица улыбку, строго спросил, – что ты мне голову хреновиной морочишь – с какими-то девчатами?* (ММ СА, с. 384).

Таким образом, исследовав семантические и стилистические особенности использования сниженной лексики в творчестве Михаила Матусовского, можем сделать следующие выводы. В текстах реализованы различные группы стилистически маркированных лексических единиц. Преобладает просторечная лексика с разными эмоционально-оценочными компонентами: бранности (*сволочь, прохвост, лярва*), грубости (*пожрать, сдохнуть, сучий*), вульгарности (*ведьма, курвин*). Основными функциями, которые выполняет сниженная лексика в произведениях М. Матусовского, являются: 1) придание экспрессивности высказыванию/повество-

ванию (*дурак, краснорожий, хреновина*); 2) реалистическое отражение событий (*жратва, нажраться, сдохнуть*); 3) речевая характеристика персонажа (*ведьма, кретин, ушииться*); 4) экспликация негативного отношения к описываемым объектам (*гад, кошкодав, морда, сволочь*); 5) создание культурно-общественной, исторической картины эпохи (*рояль, перышко*). Исследование лексических и стилистических особенностей сниженной лексики способствует всестороннему изучению творчества М. Матусовского, анализу специфики его поэтического стиля.

Примечание

1. В процессе исследования были использованы следующие издания:

ММ Г – Матусовский М.Л. Горечь: Книга стихотворений. М.: Советский писатель, 1992. 192 с.;

ММ ЗМО – Матусовский М. Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе. М.: Республика, 2011. 304 с.;

ММ СА – Матусовский М. Семейный альбом // Матусовский Михаил. Проза (С. Литературная гордость Луганщины). Луганск: Виртуальная реальность, 2011. С. 7–550;

ММ Т. 1 – Матусовский М. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни. М.: Худ. лит. 1982. 639 с.

Список литературы

1. Стилистика и литературное редактирование: Учебник / Под ред. В.И. Максимова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2007. 653 с.

2. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 216 с.

3. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.

4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 20.04.2020).

5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.

7. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / Ред. В.И. Чернышов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

8. Большой академический словарь русского языка в 30 томах / Под ред. К.С. Горбачевича, А.С. Гердта и др. Т. 1–20. СПб.: Наука, 2004–2012.

9. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. [Электронный ресурс]. М.:

Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 05.10.2020).

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

11. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы). СПб.: Норинт, 2004. 448 с.

12. Колгушкин Л. Игры детей начала XX века // Колгушкин Л. Костромичи – взгляд через столетие [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://](http://starina44.ru/igry-detey-nachala-xx-veka)

starina44.ru/igry-detey-nachala-xx-veka (дата обращения: 03.10.2020).

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 3-е изд., стер. СПб.: Азбука, 1996. Т. 4. 864 с.

14. Грачев М.А. Словарь тысячетного русского арго: 27 000 слов и выражений. М.: РИПОЛ КЛАС-СИК, 2003. 1120 с.

15. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.

SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE USE OF REDUCED VOCABULARY IN CREATIVITY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The purpose of the work is to analyze the semantic and stylistic features of the use of reduced vocabulary in the work of Mikhail Matusovsky. The material for the study was the writer's poetic and prose works created at different times. In the process of analyzing the semantic and stylistic features of the reduced lexical units, methods of analysis, comparison, generalization were used. The lexicographic base of the work was the explanatory dictionaries of the Russian literary language, slang vocabulary, etymological dictionaries. The stylistic marking of the reduced lexical units used in literary texts has been established. Conclusions are drawn about the functions of reduced vocabulary in the works of Mikhail Matusovsky. The main ones are: imparting expressiveness to the statement / narration, realistic reflection of events, speech characteristics of the character, explication of a negative attitude to the described events or objects, creation of a cultural and social picture of the era.

Keywords: reduced vocabulary, lexeme, vernacular, jargon, semantic features, stylistic affiliation, speech characteristics, expressiveness of the statement.

References

1. Stylistics and literary editing: Textbook / Ed. Maximov V.I. 3rd ed., Rev. and add. M.: Gardariki, 2007. 653 p.

2. Kuznecova E.V. Lexicology of the Russian language: textbook. manual for the philological faculties of universities. 2nd ed., Rev. and add. M.: Higher School, 1989. 216 p.

3. Kostomarov V.G. Our Language in Action: Essays on Contemporary Russian Style. M.: Gardariki, 2005. 287 p.

4. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes / Ed. D.N. Ushakov. Moscow: State Institute «Soviet Encyclopedia»; ESPH; State publishing house of foreign and national dictionaries, 1935–1940. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Date of access: 20.04.2020).

5. Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language / Comp. and ch. ed. S.A. Kuznecov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p.

6. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language / Ed. M.N. Kozhina. 2nd edition, revised and expanded. M.: Flinta: Science, 2006. 696 p.

7. Dictionary of modern Russian literary language in 17 v. / Ed. V.I. Chernyshov. Moscow–Leningrad, 1950–1965.

8. The Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language in 30 v. / Ed. K.S. Gorbachevich,

A.S. Gerdt and others. V. 1–20. St. Petersburg, 2004–2012.

9. Dictionary of the Russian language: in 4 v. / RAS, Institute of linguistic research; ed. A.P. Evgenieva. 4th ed., erased. M.: Russian language, 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (Date of access 05.10.2020).

10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. M.: A TEMP, 2006. 944 p.

11. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Dictionary of Russian abuse (matisms, obscenities, euphemisms). St. Petersburg: Norint. 2004. 448 p.

12. Kolgushkin L. Games of children of the early twentieth century // Kolgushkin L. Kostromichi – a look through the century. Available at: <http://starina44.ru/igry-detey-nachala-xx-veka> (Date of access: 03.10.2020).

13. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: In 4 v. / Translation from German and additions by O.N. Trubachev; ed. and foreword. B.A. Larin. 3rd ed., erased. St. Petersburg: Azbuka, 1996. V. 4. 864 p.

14. Grachev M.A. Dictionary of the thousand-year Russian argo: 27,000 words and expressions. Moscow: RIPOL KLASSIK, 2003. 1120 p.

15. Encyclopedic dictionary of winged words and expressions: more than 4000 articles / Avt.-comp. V. Serov. 2nd ed. M.: Lokid-Press, 2005. 880 p.